

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**НА ОДНОМ
ВДОХЕ**

Морской спецназ

Сергей Зверев
На одном вдохе

«ЭКСМО»

2014

Зверев С. И.

На одном вдохе / С. И. Зверев — «Эксмо», 2014 — (Морской спецназ)

Бывший боевой пловец Евгений Черенков никак не может приспособиться к жизни на «гражданке». Ему невыносимо скучно на берегу без любимой работы. Черенков готов на все, лишь бы вернуться в море. И судьба преподносит ему подарок. К Евгению с предложением о работе обращается бизнесмен Глеб Захарьин. Он хочет, чтобы боевой пловец слетал на Филиппины и поднял из трюма его затонувшей яхты очень важные документы. За что обещает весьма щедрое вознаграждение. Евгений принимает предложение и срочно вылетает в Манилу. Он начинает поиски затонувшего судна и вдруг замечает за собой слежку...

Содержание

Часть первая. Странное знакомство	5
Вступление	5
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	21
Глава пятая	27
Часть вторая. Новая работа	31
Вступление	31
Глава первая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Зверев

На одном вдохе

Часть первая. Странное знакомство

Вступление

Республика Филиппины; в девяти морских милях к северо-востоку от острова Катандуанес. Около десяти лет назад.

На аэродроме одной из военных баз Республики Филиппины готовился к вылету небольшой транспортный самолет. Техники и экипаж три раза осмотрели фюзеляж, плоскости, оба двигателя и стойки шасси, проверили приборы, управление и оборудование кабины. Все работы по обслуживанию воздушного судна велись под неусыпным наблюдением службы безопасности и нескольких чиновников из аппарата президента. Стоянка и прилегающая к ней территория были оцеплены личным составом подразделения морской пехоты.

Погодка в этот день выдалась неважной: над островом нависли дождевые тучи, временами дул сильный порывистый ветер, а видимость ухудшилась до одной мили. И все же подготовка к вылету шла полным ходом. Судя по всему, экипажу самолета предстояло выполнить чрезвычайно важное задание.

И действительно – спустя десять минут на территорию аэродрома въехал кортеж автомобилей. Возглавлял колонну броневик с торчащим из маленькой башенки стволом крупнокалиберного пулемета; за ним чинно следовали два представительских лимузина. В середине солидно гудело дизелем бронированное авто, наподобие тех, что используют банковские инкассаторы. Замыкали шествие три полицейские машины с сиренами и включенными проблесковыми маячками.

Повернув к самолету, сопровождающие машины остановились, и лишь «инкассаторский» монстр аккуратно подрулил к опущенному трапу, рядом с которым вытянулся во фронт экипаж, состоящий из двух пилотов.

Из «членовозов» вышли несколько одетых в одинаковые белые рубашки филиппинских чиновников. Один из них – низкорослый бритый наголо толстяк по имени Анджело Маркос – принял доклад экипажа о готовности к вылету. Второй направился к открывшейся дверке бронированного монстра и что-то сказал находившимся внутри людям.

Вскоре началась загрузка: несколько одетых в камуфляж бойцов перетаскивали из авто в самолет герметичные металлические кейсы, коих набралось более тридцати штук...

Наконец старший из бойцов подбежал к чиновнику и отрапортовал:

– Господин секретарь Совета национальной обороны, погрузка окончена! Весь груз на борту самолета!

Маркос поднялся по трапу, лично пересчитал опломбированные кейсы и дал добро на вылет.

Дверца захлопнулась, завывли турбины авиационных движков. Кортеж почтительно отъехал в сторону, предоставив самолету простор для маневрирования по бетонке перрона.

Получив разрешение на предварительный старт, командир экипажа увеличил оборот двигателей. Плавно тронувшись, самолет развернулся и бойко порулил к взлетно-посадочной полосе.

Толпа провожающих стояла у машин и глядела вслед. Никто из этих людей не догадывался о том, что произойдет через несколько минут...

За четыре месяца до описанных выше событий Министерство обороны Филиппин приняло программу модернизации вооруженных сил страны. Поводом для данного решения стало обострение взаимоотношений с Китаем, Индонезией, Тайванем, Вьетнамом, Малайзией и Брунеем из-за территориальных споров относительно принадлежности небольшого архипелага под названием Спратли. Сотня мелких островов, рифов и атоллов, суммарной площадью менее пяти квадратных километров, была разбросана в юго-западной части Южно-Китайского моря. Центр архипелага располагался в четырехстах километрах от филиппинского острова Палаван, в пятистах – от побережья Вьетнама и в тысяче километров – от китайского острова Хайнань. Несмотря на крошечный размер, архипелаг Спратли имел важное экономическое и стратегическое значение с точки зрения присутствия в регионе. К тому же после проведенных исследований ученые заявили о наличии в акватории архипелага значительных запасов нефти и газа.

Соединенные Штаты – постоянный и верный союзник Филиппин – оперативно отреагировали на возникшую проблему и предложили республике с десяток отслуживших свой век военных кораблей: патрульных катеров типа «Хэмилтон» и корветов типа «Пикок». Политическое и военное руководство Филиппин согласилось на сделку при условии полного ремонта и модернизации предлагаемой техники, а также ее технического обслуживания в последующие два года. Белый дом с радостью принял встречное предложение, запросив в качестве аванса пятьдесят миллионов долларов.

До момента передачи кораблей филиппинским ВМС стороны договорились не распространяться о предстоящей сделке. Именно поэтому авансовая сумма, минуя безналичные банковские схемы, переправлялась «живыми» деньгами.

Оторвавшись от полосы военного аэродрома, небольшой транспортник набрал высоту и взял курс на восток. Первый этап маршрута проходил над территорией Лусона – самого большого острова архипелага. Затем, миновав узкий пролив, самолет пересек относительно небольшой остров Катандуанес. Далее полет продолжился над акваторией военно-морского полигона, принадлежащего Министерству обороны Республики Филиппины. И наконец, линия пути, проложенная на карте второго пилота, ровной линией потянулась до конечного пункта маршрута – острова Гуам, расположенного в двух тысячах километров от Филиппинского архипелага. Погода была отвратительной, однако экипаж не раз выполнял полеты над океаном в сложных метеоусловиях и никаких трудностей в предстоящем задании не видел.

Первоначально высшее филиппинское руководство предложило доставить авансовую сумму на американскую военную базу Субик-Бей – благо от Манилы ее отделял стокилометровый участок отличной асфальтовой трассы. Те согласились, но спустя сутки отчего-то передумали.

– Нет, господа, только самолетом и только на военно-морскую базу Апра, что расквартирована на острове Гуам, – заявил полномочный представитель американской стороны.

– Но почему? – изумленно вопрошали островитяне. – Ведь Субик-Бей во много раз ближе, что гарантирует безопасную доставку!

– На базе Субик-Бей работает слишком много ваших соотечественников, что не исключает возможности утечки информации по нашей сделке. А на Гуаме все пройдет тихо и незаметно.

Филиппинские чиновники поморщились, но посчитали аргумент вполне весомым. Да и расстояние до Гуама в две тысячи километров не располагало к спорам. «Апра, так Апра», – решили они и отдали приказ готовить к вылету опытный экипаж транспортного самолета.

Минут через тридцать после взлета с военной базы позади осталась береговая черта Катандуанеса – самого восточного острова архипелага. Впереди простиралась акватория

военно-морского полигона и бескрайний Тихий океан. Правда, полет в облаках не позволял экипажу лицезреть водную поверхность – видимость была почти нулевой.

Полет в штатном режиме над океаном продолжался не более десяти минут.

– Пожар в правом двигателе! – мгновенно отреагировал второй пилот на сработавшую аварийную сигнализацию.

– Выключить двигатель! – приказал командир. – Винт во флюгер!

Опытный экипаж действовал быстро и слаженно: запустил первую очередь противопожарной системы аварийного двигателя и вывел работающий двигатель на взлетный режим, доложил диспетчеру базы о пожаре и, прекратив задание, развернул самолет в сторону ближайшей суши.

Оставляя шлейф черного дыма, небольшой транспортник возвращался к острову Катандуанес...

Поглядывая на дымящий двигатель, второй пилот подсказал:

– На юге этого острова у города Вирак есть аэродром с полосой подходящей длины.

– Нам бы до северного побережья дотянуть, – с сомнением процедил командир и посмотрел на приборы.

До острова оставалось около сорока километров. Высота была чуть более тысячи метров. На одном движке транспортник «в горизонте» не тянул, выдавал лишь половину от максимально возможной скорости и терял каждую секунду три-четыре метра высоты.

– Не дотянем. Рухнем где-то здесь – на территории полигона, – стиснув зубы, проворчал командир. – Приготовься – будем сажать на воду...

Ровно через четыре минуты транспортник вывалился из низкой облачности. Ощетинившись максимально выпущенными закрылками и неуклюже покачивая плоскостями, он приблизился к серой поверхности океана. Перед касанием водной поверхности самолет задрал нос, пытаясь снизить скорость до минимальной. Однако это не помогло. Зацепив волну хвостовым оперением, он неуклюже клюнул носом и, кувыркнувшись, зарылся в воду. В поднявшемся фонтане брызг мелькали то обломки крыльев, то двигатели, то части фюзеляжа...

Через мгновение все стихло. Не осталось даже волн, поднятых от падения воздушного судна. Лишь на пределе видимости – примерно в полумиле от места трагедии – покачивалась океанская моторная яхта.

Глава первая

Российская Федерация. Москва; район Южное Тушино. Настоящее время.

Патруль, состоящий из трех сотрудников полиции, дежурил на пересечении бульвара Яна Райниса и улицы Туристской. Новенький автомобиль бело-синего окраса с выключенными проблесковыми маячками стоял возле южной стороны бульвара, так как противоположная сторона принадлежала соседям из Северного Тушина.

Смена проходила на удивление спокойно: глубокая ночь, безветренная и теплая погода, редкое движение автомобилей и почти полное отсутствие пешеходов. И ни одного правонарушения. С одной стороны, это было хорошо – все ж таки преступность разрушала нервную систему не только простым гражданам, но и блюстителям порядка. С другой – если наряд за время дежурства не произведет задержаний, то начальство обязательно изойдет желчью. «В чем дело?! – огласит свой кабинет громогласным басом подполковник. – Опять всю ночь продряхли в машине? А правонарушителей я за вас ловить буду?!»

Город спал; на востоке понемногу светлело небо. Примерно через час должно былозойти солнце, а ровно в восемь утра у трех сотрудников полиции заканчивалась смена.

– Скукота, – зевнул прапорщик полиции. – Ни одного происшествия.

– Вот именно, – поежился лейтенант – старший патрульной смены. – Надо хотя бы одного алкаша задержать, а то опять премии лишат...

Сидевший за рулем сержант не отреагировал на разговор коллег – уложив затылок на подголовник и выпустив изо рта тонкую нить слюны, он смотрел сны про будущую пенсию.

– О, гляди! – вдруг оживился прапор.

Лейтенант посмотрел в указанном направлении и растянул губы в довольной улыбке...

По тротуару – аккуратно мимо патрульной машины – неспешно топал мужчина лет сорока. Длинные темные волосы, выцветшие джинсы, стоптанные кроссовки. И совершенно не по погоде – длинный кожаный плащ, полы которого качались в такт неуверенным шагам. Судя по зигзагообразной походке, прошедшей ночью он где-то здорово расслабился и теперь плелся в сторону еще не пропитого жилища.

– Наш клиент! – щелкнув замком, отпихнул дверку лейтенант. – Зеленчук – за мной!..

Выскочив на тротуар, офицер с прапорщиком ринулись наперерез нетрезвому прохожему.

– Одну минутку, гражданин! – возник перед ним лейтенант. – Откуда путь держите?

Едва не врезавшись в преградивших дорогу стражей правопорядка, мужчина притормозил. С трудом наведя резкость, он скептически оглядел двух полицейских, вскинул правую бровь и с усмешкой спросил:

– Это имеет значение?

Не получив ответа на вопрос, лейтенант с недовольным видом прищурился:

– Документики при себе имеются?

Мужчина вынул из кармана паспорт.

– Пажа-алста...

– Захарьин Глеб Абрамович? – изучив данные гражданина, офицер сверил фото с оригиналом.

– Он самый.

– Вам придется проехать с нами.

– С какой стати? – буркнул задержанный.

– Вы нарушаете общественный порядок.

– Интере-есно... И чем же я его нарушил?

– Тем, что разгуливаете по городу в нетрезвом виде.

– Да, я выпил бутылку пива. Но законов не нарушаю, ни к кому не пристаю, веду себя спокойно, самостоятельно иду домой. Или в Москве введен комендантский час?

– Поговори еще! Сам пройдешь в машину или помочь?

Над чем-то раздумывая, Глеб Абрамович молча поглядел в звездное небо.

Лейтенант же продолжал развивать тему:

– Только учти, в этом случае мы оформим тебя на несколько суток за оказание сопротивления представителям власти. И еще выпишем штраф на кругленькую сумму...

Кажется, он хотел еще чем-то пригрозить, но не успел. Захарьин поднял правую руку, произвел ладонью какую-то манипуляцию и звонко щелкнул пальцами, после чего лейтенант осекся и замер. Застыл и его помощник – прапорщик полиции.

– Эй, вы чего там? – высунулся из машины сержант. – Уснули, что ли?..

Оба его сослуживца стояли посреди тротуара, уставившись на то место, где минуту назад топтался задержанный мужик в длинном кожаном плаще.

– Эй, парни! – снова окликнул сержант, выбираясь из автомобиля.

Ответа не последовало. Коллеги и впрямь будто спали: стоя и с открытыми глазами.

Подбежав к сослуживцам, водила испуганно посмотрел вслед удалявшемуся по улице мужчине. Затем осторожно дотронулся до плеча лейтенанта. Легонько потормошив его, жалобно попросил:

– Серега... Сергей Павлович... Костя! Да что такое с вами?! Очнитесь!..

Не подействовало. Лейтенант с бледным как мел лицом лишь покачивался от прикосновений. Прапорщик полиции тоже не подавал признаков осознанного бытия – занеся правую руку с резиновой дубинкой над головой, он походил на искусно созданную мастером восковую фигуру из Музея мадам Тюссо.

– Мужик! Стоять, мужик!! – Сержант выхватил из кобуры табельное оружие.

Повернувшись и сделав два шага в ту сторону, куда топал странный прохожий, он никого не увидел. Тротуар был пуст. Мужик в плаще исчез.

– Как он выглядел? – потирая ладонями помятое лицо, спросил заместитель начальника ОВД по району Южное Тушино.

– Да я ж в машине сидел, товарищ подполковник, – виновато пролепетал сержант.

– Ну хотя бы в общих чертах можешь его описать? – разозлился начальник.

– Высокий – примерно метр девяносто. Темные волосы почти до плеч. Засаленные такие, растрепанные. Расстегнутый кожаный плащ, джинсы... Про обувь ничего сказать не могу – не заметил из автомобиля...

Нервный разговор происходил в кабинете взведенного, озадаченного и уставшего от бессонной ночи подполковника Абрашкина. Тут же у стеночки, на выдавшем виды диване, лежали валетом «потерпевшие» – лейтенант с прапорщиком. Лежали тихо, вытянувшись в струнку. Будто мирно спали после дежурной смены, чем тоже изрядно раздражали начальство.

Сразу после удивительного происшествия сержант связался по рации с отделом и сбивчиво запросил у дежурного помощи. Тот долго не мог взять в толк, что же случилось на бульваре Яна Райниса. Затем доложил начальству и выслал машину с дополнительным нарядом. Вчетвером полицейские кое-как поместили одеревеневшие тела коллег в автомобиль, перенесли в отдел, доставили в кабинет подполковника и уложили на диван для дальнейшего разбирательства.

– А лицо? – допытывался хозяин кабинета. – Какой тип лица?

– Боком он ко мне стоял, товарищ подполковник, так что мне был виден только профиль, – виновато шмыгнув носом сержант.

– Ну, рассказывай о профиле!

– Нос приличных размеров, немного крючковатый; губы мясистые – особенно нижняя; выступающий подбородок.

– А глаза?
– Глаз не заметил.
– Не густо, – проскрипел зубами полицейский чин. – Так куда, говоришь, он направился?
– По бульвару Яна Райниса в сторону станции метро «Сходненская». Только исчез он быстро – видать, свернул куда-то во дворы.
– Странно. Очень странно, – потирая подбородок, произнес Абрашкин и, сняв трубку телефона, связался с дежурным: – Ну, где там врачи? Едут? Сразу проводишь ко мне в кабинет...

Бригада «Скорой помощи» появилась в тот момент, когда заместитель начальника ОВД в задумчивости стоял у дивана и, ошеломленно покачивая головой, шептал:

– С ума сойти. Никогда такого не видел. Вроде живые: спят себе, ровно посапывают. А вроде и мертвые – ни на что не реагируют...

Прапорщик робко стоял в сторонке, с ужасом взирая на «усопших» товарищей.

Дверь шумно распахнулась.

– Что у вас? – с порога поинтересовался пожилой доктор.

– Да вот, – развел руками подполковник Абрашкин. – Привезли с дежурства моих ребят. Никакие. Лежат, не просыпаются, ничего не слышат, не отвечают...

Доктор прямым направился к дивану, поставил на пол чемоданчик и склонился над молодыми мужчинами...

Минут через десять он распрямился, снял очки и мрачно молвил:

– Очень глубокий гипнотический сон. Невероятно глубокий. Признаться, подобного я в своей практике не встречал.

– И что же теперь делать? – подал голос заместитель начальника ОВД.

– Отвезем в психиатрическую клинику № 1.

Подполковник проглотил вставший в горле ком:

– В Кащенко?!

– Именно. Потому как вывести из такого мощного гипноза способны только серьезные специалисты.

Доктор кивнул помощникам, и те, разложив на полу носилки, принялись перекладывать на них первого пострадавшего...

Вскоре в кабинете Абрашкина не осталось никого, а об утреннем происшествии напоминали лишь две форменные фуражки, принадлежащие лейтенанту и прапорщику.

– Дежурный! – рявкнул в трубку телефона хозяин кабинета.

– Да, товарищ подполковник! – бодро ответил тот.

– Сейчас к тебе спустится прапорщик и продиктует приметы одного ублюдка. Запиши, размножь и раздай всем нарядам. Пусть задерживают и доставляют в отдел всех имеющих сходство с этим типом.

– Понял. Сделаем!

Бросив трубку, Абрашкин повернулся к прапорщику:

– Ступай к дежурному. Еще раз хорошенько вспомни все приметы этого... козла в длинном плаще. И продиктуй ему под запись.

– Есть, товарищ подполковник, – козырнул подчиненный и, ссутулив спину, направился к двери.

– Стой, – окликнул Абрашкин.

Схватившийся за дверную ручку подчиненный остановился.

– Ты вот что... Потом поспи пару часов после дежурства и впишись в наряд какого-нибудь экипажа.

– Зачем? – захлопал покрасневшими веками прапорщик.

- Как зачем?! Поедешь по району, посмотришь... Может, опознаешь этого... упыря.
- Если поймает – премирую месячным окладом. Понял?
- Так точно! – повеселел служивый. – Разрешите идти?
- Иди...

Глава вторая

Российская Федерация. Москва; район Южное Тушино. Настоящее время.

С каждым днем трезвости я чахну, блекну и становлюсь противен сам себе. Неудивительно: оскотинился, зачерствел, опустился... Трезвея, я начинаю рассуждать, думать и мечтать о будущем. Хотя сам не пойму зачем.

Единственное будущее, которое греет душу, – ближайший вечер с обязательным наличием в кармане энной суммы в российской валюте, чтоб напиться в нормальном кабаке. Или три-четыре сотни для посещения забегаловки, что возле ближайшей станции метро. Еще что?.. Ах да! На десерт я предпочитаю секс с какой-нибудь смазливой бабой, подвернувшейся в том же ресторане или забегаловке.

Собственно, мечта состоит не только из алкоголя и секса. На самом деле в ней содержится гораздо больше: интрига, приключение, таинственная неизвестность, тревога, сладостное томление в груди... Я отлично знаю, чем порой заканчивается это томление. На роже несколько шрамов после подобных приключений, в непогоду ноют сломанные ребра. И все же весь кайф именно в нем. Томлении! Ради него бежишь из дома, ныряешь в непроглядную ночь, стойко терпишь невзгоды, боль, лишение свободы...

Наконец наступает долгожданный момент – я выхожу из небольшой однокомнатной квартиры, доставшейся мне за долгую безупречную службу в одном из секретных подразделений ФСБ, поворачиваю в замке ключ, сбегаю по ступенькам лестницы вниз... Навстречу выплывает бархатная ночь.

Следую знакомым маршрутом. Настолько знакомым, что я мог бы проделать его, будучи лишенным зрения. Томление достигает пика. Хочется заорать от счастья на весь спящий квартал или сплясать что-нибудь эдакое. Нет, сегодня я орать и плясать не буду. Устал. Да и настроение – ни к черту.

Пожалуй, сегодня я обойдусь сокращенной программой. Сегодня я просто нажрюсь...

Пора сказать пару фраз о себе любимом. Я Евгений Арнольдович Черенков. Коренной волжанин, родившийся в Саратове ровно тридцать шесть лет назад. Высок ростом, отнюдь не subtilen и не дурак похулиганить. На лице и теле ношу отметины от разного рода приключений, участия в боевых действиях и прочих веселых событий. Лицо же имеет цвет, должный символизировать серьезную квалификацию по части выпить-пошалить. Взгляд прицельный. В общем, безоглядно хамить мне не советую.

Что еще сказать о себе? Бывший капитан первого ранга, бывший боевой пловец, бывший командир отряда специального назначения «Фрегат-22». Бывший, бывший... Кругом и во всем бывший. Когда я был выше ростом и кудрявее, какой-то крутой чиновник – как минимум трижды кавалер ордена «За измену Родине» – решил реформировать подразделения, находившиеся в прямом подчинении директора ФСБ. Волна «реформ» была очень высокой и смыла последний слой здравого смысла. В итоге всех боевых пловцов вышвырнули со службы с формулировкой «Уволить в запас в связи с сокращением и реорганизацией внутренней структуры Федеральной службы безопасности»...

Когда у наших чиновников начинает тлеть под задницей, они все делают молниеносно. Приказали, пригрозив увольнением, – лбы порасшибают, а сделают. Процесс увольнения и расчета занял не более пятнадцати дней, что невероятно короткий срок для российской бюрократической машины. Мне и другим ветеранам отряда, уже имевшим приличную выслугу, повезло – нам начислили пенсию. А юным коллегам просто помахали ручкой, цинично заявив: «Годы службы вам зачтутся в трудовой стаж. Свободны. Если понадобится – позовем...»

Вряд ли после такой «обходительности» парни согласятся вернуться на государеву службу. В конце концов, в нашей стране полно коммерческих структур, деятельность которых

так или иначе связана с подводным дайвингом. Любого из моих молодых пловцов они оторвут с руками, ведь каждый из них – готовый инструктор, прошедший огонь, воду и медные трубы. Плати нормальные деньги и используй его бесценный опыт на полную катушку!

В первые два-три месяца после увольнения я даже не осознавал глубины той пропасти, куда угораздило сорваться. Еще бы! Только вчера носил форменную черную тужурку с погонами «капраза», с четырьмя рядами орденских планок на груди, с поплавком выпускника академии и имел полное право улыбаться, как Гагарин. И вдруг – оказался за бортом, стал простым московским безработным. Не желая навсегда расставаться с любимой профессией, я пошел по пути, проторенному многими кадровыми офицерами: отправился на поиски работы, хотя бы отдаленно похожей на мою прежнюю службу. За пару месяцев поисков пришлось побывать в трех десятках компаний, организующих морские путешествия, элитную рыбалку, подводные экскурсии...

Довольно скоро пришло разочарование: где-то дайверская работа подменялась обязанностями обыкновенного спасателя; в большинстве компаний платили копейки, оскорбляющие саму суть опасного занятия; где-то сидели мутные люди, не решившие, кто и зачем им нужен. Некоторые менеджеры по кадрам, глянув в мои документы, заявляли: «Извините, но вам под сорок, а нам нужен молодой специалист...» А чаще, ссылаясь на отсутствие свободных вакансий, предлагали позвонить через месяц-два-три. А лучше через полгода...

Однажды повезло. Известная московская кинокомпания затевала съемку зубодробильного боевика, часть действий по сценарию происходила под водой. Наткнувшись на объявление в Интернете, я приехал, представился, полчаса побеседовал с одним из ассистентов и в итоге получил место консультанта и каскадера. Несколько месяцев я принимал участие в съемках на теплом крымском побережье. Потом съемка свернулась и мне тоже помахали ручкой: «Спасибо. Понадобится – позвоним».

Заработанный в «высоком искусстве» гонорар я прожрал за три месяца, а потом пришлось снова затянуть ремень и отправиться на поиски работы...

В кабаке на окраине Южного Тушино, как всегда, не продохнуть. Это любимое заведение боевых пловцов отряда специального назначения «Фрегат-22». Оно удобно расположилось по пути из загородной тренировочной базы до ближайшей станции метро, и под сводчатым потолком его уютных залов мы частенько отмечали приятные события, изредка разнообразящие наши боевые будни: юбилеи, рождения детей, награждения орденами, продвижение по службе и присвоение очередных званий. Но все это осталось в прошлом. Сейчас его завсегда-таем остался один я, и тому имеется единственная веская причина – моя однокомнатная квартира находится всего в паре кварталов.

– Привет, Женя, как дела? – отвлекшись на секунду, спрашивает знакомый бармен по имени Родион.

– Привет, – кивнув ему, заказываю бутылку любимого вискаря. Подхватив ее, иду в полумрак зала в поисках свободного местечка. Здесь ужасно накурено, стоит гул из полупьяных голосов.

Я знаю, что Родион даже не глядит вслед. Его вопрос – ничего не значащая фраза, этакое дополнение к короткому приветствию.

Падаю на стул в дальнем правом углу. За соседним столиком бухает компания из пяти человек. Я залпом отпиваю полбокала и мгновенно вхожу в курс дела, вынужденно выслушивая обсуждение какой-то далекой от меня проблемы...

С каждым глотком крепкого алкоголя мышцам возвращается тонус, тело обретает гибкость. Вокруг приятные и почти родные лица. А после третьей порции вискаря мне покажется, что я с ними вообще никогда не расставался.

– Родион, будь любезен – еще бутылку!..

У туалета очередь. Он здесь общий. Да и немудрено, ведь кабак называется «Сытопьяно». Да-да, именно так – в одно слово.

В кабинку со мной прорвалась пьяная девица. Быстро стянув джинсы, она плюхнулась на унитаза лицом ко мне.

– Я первая, – сказала она и зажурчала.

На ее некрасивом лице с явными излишками косметики блуждает похотливая улыбка.

«Все девочки – козлы и хотят от мальчиков только секса, – вздыхаю, дожидаясь своей очереди. – Но я не настолько пьян, чтобы позариться на такую шмару».

Сделав свои дела и не дождавшись от меня активных действий по принуждению к физической близости, шмара гордо уходит.

«До чего же здесь душно!» – Ополоснув руки над раковиной умывальника, топаю обратно в зал...

За моим столом появилось новое действующее лицо: рослый мужик моих лет. Длинные, давно не мытые волосы, большой крючковатый нос, полные губы, волевой подбородок. И потрепанный кожаный плащ, совершенно не соответствующий установившейся в Москве теплой погоде. На столешнице перед ним стоит пепельница с дымящимся окурком, пустой стакан, рядом с ним лежит позолоченная зажигалка и пачка дорогих американских сигарет Hilton Platinum. И больше ничего. Весь остальной антураж принадлежит мне.

Персонаж уверенным жестом наливает в свой стакан из моей второй бутылки и ничуть не смущается, когда я пытаюсь сделать ему замечание.

– О, привет! Будешь? – щедро предлагает он мой же вискарь. И, не дожидаясь согласия, наливает.

Решаю пока не убивать наглеца и не объяснять на эсперанто, куда ему пойти. С наслаждением вливаю в себя очередную порцию алкоголя. Поставив на стол пустой бокал, невзначай интересуюсь:

– Слушай, ты кто по национальности?

– А как ты догадался? – скалит он в широкой улыбке белоснежные зубы. И, сделавшись серьезным, удивляет осведомленностью: – Ты Женька, верно?

– Да, Женька. Но исключительно для близких друзей. А что, я настолько известен?

– Я тебя видел здесь пару раз. У нас общие знакомые.

– Понятно, – безучастно говорю я. Выяснить, кто эти общие знакомые, нет ни малейшего желания. – Ну, а ты кто такой?

Он опять посмеивается:

– Про таких, как я, говорят: «Широко известен в узких кругах».

– И как же тебя нарекли родители?

– Глебом, – говорит он и тянет руку.

Пожав мою ладонь, новый знакомец задерживает на ней взгляд, чему-то усмехается и резко меняет тему:

– Как тебе эта тошниловка?

Морщусь.

– Вот и меня от нее мутит. Скукота. Никакого разнообразия... Сейчас я тебя кое-чем угощу, – внезапно о чем-то вспомнив, лезет он в карман и вытаскивает под тусклый свет желтоватых ламп лепесток таблеток.

Выпотрошив его, Глеб отсыпает мне штук пять, остальные закидывает в рот, смачно разжевывает и запивает вискариком. Мне никогда не нравилась наркота, но в эту минуту я вдруг ощутил странное и непреодолимое желание испытать действие предложенных «колес».

«Почему бы и нет? – подумал я, в точности повторяя движения нового знакомого. – У меня ведь не девять жизней, а всего одна. Нужно успеть попробовать все...»

Проглотив таблетки «живьем», я запоздало интересуюсь:

– Что за гадость?

– А не все ли равно?

– Как хоть они прут?

– А кто сказал, что они прут? – вскидывает мужик в искреннем удивлении брови.

– Тогда на кой черт мы их закатали?

Глеб как-то странно улыбается.

– Знаешь, – зловеще цежу я сквозь зубы, – мне совершенно не нравится твой юмор.

– Какой юмор?! С чего ты взял? У меня рак легких. Врачи сказали, что протяну от силы два месяца. Вот я и решил ускорить неизбежный процесс. А одному, сам понимаешь, – в падлу.

– Ах ты сука! – привстаю и чувствую, как отнимаются и холодеют ноги. – Что за хрень ты мне подсунул?!

– Обычный ЭГДН.

– Чего?!

– Этиленгликольдинитрат, – уточняет скотина с издевательской улыбкой. – Хорошая, кстати, вещица. Через час мы с тобой будем далеко отсюда. Кстати, ты веришь в загробную жизнь?

– А если я тебе сейчас разможжу башку этим стулом?

– Ерунда. Я только спасибо скажу.

Мне вдруг нестерпимо захотелось жить.

– Помогите! «Скорую»! – возопил я в табачный смог. – Срочно вызовите «Скорую помощь»! Спасите, спасите меня! Дайте воды!!

Глеб хватается за живот и тычется лбом в стол, корчась от смеха.

– Стой, идиот, – ловит он меня за руку. – Женька, это всего лишь транки. Не гони пургу на весь кабак!..

Я в изнеможении плюхаюсь на стул. Крюконосый подонок улыбается и наблюдает, как меня трясет. В руках и ногах появляется слабость, под мышками становится липко.

Он разливает из бутылки остатки алкоголя. Мы пьем, потом Глеб встает, о чем-то шуршит с официантом, и на нашем столике возникает очередная бутылка вискаря.

Постепенно меж нами завязывается беседа обо всем и одновременно ни о чем. Я удивительно быстро проникаюсь к собеседнику доверием и с удовольствием слушаю его бред...

– Тут нечего больше ловить, – вздыхает он спустя полчаса, когда остается по глотку алкоголя.

Я уж и сам понимаю, что помещение стремительно меняет контур: сумрак в углах становится торжественно-лиловым, а посетители передвигаются рывками, взмахивая руками для преодоления вязкого пространства.

Предлагаю:

– Пошли в «Скорпион».

– Куда?

– В ночной клуб.

– Далеко? – встав, подхватывает он бутылку.

– Шагов пятьсот.

– Ужасно далеко. Но я согласен...

Мы выплываем в ночь. По пути съедаем второй лепесток. И непрерывно пьем. Сначала вискарь, потом переходим на пиво. Точнее, на мочу из пластиковых бутылок, отчего-то называемую в России пивом...

Вы, наверное, спросите, как я дошел до такой жизни? Все просто. Ведь до того, как меня вышвырнули со службы, я сумел овладеть одной-единственной профессией. Профессией боевого пловца. Не скрою: овладел я ею настолько хорошо, что считался одним из лучших спе-

цов в России. А может быть, и на просторах всего Евразийского континента. Короче говоря, оставшись без любимой работы, я вдруг понял, что кроме нее больше ни в чем не разбираюсь.

Нет, поменять смеситель, починить розетку, заштукатурить трещину в стене или наклеить новые обои я, разумеется, смог бы без вмешательства соответствующих специалистов. Но все мои навыки оставались на любительском уровне, а до настоящих профессионалов, которые зарабатывают на этом приличные деньги, я не дотягивал. Одним словом, настало такое время, когда я был согласен на любую черновую работу: перетаскивать из фур в подвалы коробки с коньяком, стоять у лотка, подметать улицы, охранять чужие склады... Некоторое время я даже побыл в шкуре вольного предпринимателя. Предпринимал то одно, то другое, то третье... Правда, постоянно попадал в глубокую рецессию, и все мои индексы, акции и активы, миновав отметку «ни хрена», находились в затяжном пике. В общем, днем где-то подрабатывал, вечерами затаривался алкоголем и бездумно паялся в телевизор, где по всем центральным каналам рассказывали о том, как в стране налаживается экономика и как здорово мне живется. Либо шел в кабак под названием «Сытопьяно» в поисках очередных приключений.

Так и существовал, изредка поговаривая в свое утешение: «Если вам далеко за тридцать и вы абсолютно ничего не добились в этой жизни – значит, вы честный и порядочный человек...»

Вскоре в моем сознании настал переломный момент. Знаете, такой занятный звоночек из посольства Страны Иллюзий, когда тебе доверительно сообщают, что ты гостишь у них достаточно долго и имеешь полное право получить вид на постоянное жительство. Мне уже не хотелось просыпаться по утрам, не хотелось никуда идти и чего-то добиваться... И вдруг пришло осознание очевидного факта: надо срочно менять образ жизни, иначе я рискую спиться, утонуть в болоте беспросветной нищеты или нарваться по пьяни на чей-то нож.

Купив на последнюю мелочь пива, я включил телек и начал думать, как исправлять положение. До захода солнца и похода в «Сытопьяно» оставалось около двух часов. Уйма времени, которую я решил потратить с пользой для будущего дела...

Транки, транки, транки... утюжат голову как танки.

Мы сидим за стойкой в углу огромного зала ночного клуба «Скорпион». Я ем сочный стейк с брокколи и запиваю какой-то дрянью со вкусом ананаса и водки. Глеб ковыряет вилкой жареную семгу и смотрит на меня глазами, в которых сосредоточилась вся печаль еврейского народа.

В ночной клуб мы притопали в компании трех здоровенных негров лилового цвета.

– Почему они лиловые? – слишком громко спросил я на полпути.

– Лиловые – мы. А они просто синие, – философски заметил Глеб.

В зале негры куда-то пропали, а мы напрямиком направились к стойке. В голове по-прежнему было мутно...

Внутри большого зала грохотала музыка и переливались разноцветные огни. Мне казалось, будто это аквариум, набитый сверкающими рыбами, вообразившими, что пляска на раскаленной сковородке – настоящая жизнь. Они выбрали слишком быструю жизнь.

Покончив с поздним ужином (или ранним завтраком), мы протиснулись к сцене, где на шесте заплеталась и шипела женщина, похожая на змею. Я сразу понял, что больше не могу без нее. И она без меня.

Увидев в моих руках веер из бабла, она стала колдовать. В итоге я потерял все. Больше не оставалось ни до, ни после – были только огромные неподвижные глаза, судорожные извивы ее тела, плотно охватывающие меня...

Но не об этом спич. Я нутром чувствовал, что всеми конечностями влип в нечто очень серьезное. Нет, женщина-змея была не при делах – она лишь являлась предвестницей той череды ужасных неприятностей, которые ждали меня в ближайшем будущем. Так мне казалось. Точнее, я был в этом уверен.

Женщина-змея скользила по сцене исключительно для моей персоны, приоткрывала краешек завесы то в одном интимном местечке тела, то в другом... И я прикрывал эти места последними купюрами...

Мой новый знакомец куда-то пропал.

Я объяснялся в любви к женщине-змее, читал мантры на непонятных языках, касался ее кожи... Рвался сквозь охранников, повисая у них на руках.

– Черкни мне свой номер! – умирая, протягивал я свой мобильник.

Знакомец снова вынырнул из темноты, потащил меня к стойке. Там уже стояло спиртное. Много спиртного. Мы обливали друг друга шампанским, шастали в гущу танцпола, плескались в шелесте прохладных и потных рук... Я быстро забыл о женщине-змее и примерял в ладони чью-то крепкую задницу, мял губами чьи-то щедрые губы...

А потом произошло событие, от которого мое сознание вмиг прояснилось и мозг снова начал соображать на полную катушку. Сначала к нам подрулил бармен и потребовал рассчитаться по счету. Отвратительный тембр его голоса заскрежетал по барабанным перепонкам так, словно бодрящий звон будильника резанул по волшебному предутреннему сну.

Мы с товарищем молча глядели друг на друга.

– Сегодня платишь ты, – тихо сказал я.

– Нет, давай лучше ты, – промямлил он в ответ, подбирая все время вываливающийся язык. И стал ловить в воздухе невидимое насекомое.

Его голова устало болталась на слабой шее, отчего крючковатый еврейский нос описывал замысловатые фигуры высшего пилотажа.

Может, утро и мудренее, но определенно тяжелее, чем ночь. Пока я рыскал по пустым карманам, бармен привел пару здоровенных и самое главное – трезвых охранников. Черт... Праздник заканчивался.

Пройдясь по всем карманам, я вспомнил, как сильно любил этой ночью женщину-змею. Денег не было. Ни рубля.

«Блин... – пронеслось в мутной башке. – На те бабки, что я просадил этой ночью, можно было целый год кормить африканскую деревню!..»

Несколько мгновений я гонялся за некоей мыслью в голове. Поймал. Однако на извечный вопрос «Что делать?» ответа не нашел.

Охранники и бармен уже перешли к оскорблениям и угрозам, сравнимым разве что с проклятиями в адрес Саддама Хусейна. Мне казалось, что эти шавки на коротком поводке уже готовы отцепить ошейники и начать войну... И вдруг случилось то, от чего я онемел как минимум минут на десять.

«Вот оно, – изумленно подумал я, услышав вступительную фразу новоиспеченного друга. – Вот начало тех неприятностей, что маячили на горизонте несколько последних дней...»

Глава третья

Российская Федерация. Москва; район Южное Тушино. Настоящее время.

Полтора десятка полицейских автомобилей медленно утюжили улицы Южного Тушина. Внутри каждой машины на видном месте красовался фоторобот подозреваемого мужчины: высокого, длинноволосого, с большим крючковатым носом, с мясистыми губами и выступающим подбородком. Основным заданием экипажей на сегодняшний день было задержание опасного преступника, изображенного на размноженных картинках.

В одной из машин на месте старшего наряда сидел прапорщик. Вглядываясь в каждого прохожего мужского пола, он силился опознать виновника ночного происшествия. Ведь как ни крути, а он единственный, кто видел живьем странного типа в потрепанном кожаном плаще...

Экипаж медленно колесил по бульвару Яна Райниса, по прилегающим к нему улочкам; заезжал во дворы бесконечных многоэтажек.

– Никого похожего? – в десятый раз интересовался расположившийся на заднем сиденье лейтенант – старший наряда.

– Пока никого, – тихо вздыхал прапор, вспоминая обещанную Абрашкиным премию.

После полудня белый автомобиль с синей полосой и московским гербом на передних дверках остановился у скромного кафе. Полицейские выползли на раскаленный асфальт, оправили мундиры и спустились по ступенькам в прохладное помещение, где витали приятные ароматы только что приготовленных блюд...

Покончив с обедом, усиленный наряд снова обосновался в салоне полицейского автомобиля и поехал колесить по территории вверенного района...

Где-то около пяти часов вечера автомобиль неспешно свернул с бульвара Яна Райниса на Сходненскую. Сидящий рядом с водителем прапорщик из последних сил боролся со сном. И вдруг встрепенулся.

– Так-так-так, – прищурился, подался он вперед. – Ну-ка, нагони вон того чувака...

По западному тротуару Сходненской, покачиваясь, неуверенной походкой шел мужчина. Длинные невымытые волосы лежали по широким плечам. Полы расстегнутого кожаного плаща, надетого не по погоде, болтались и трепетали от легкого ветерка.

– Он, – севшим от волнения голосом объявил прапорщик.

– Ты не ошибся? – на всякий случай переспросил лейтенант.

– Он! Не видать мне тринадцатой зарплаты!..

– Так, ребята, слушай сюда, – нервно почесав кадык, сказал старший наряда. – Останавливаемся метрах в десяти и выходим с оружием.

– Все? – встрял водила.

– Да, и ты тоже. Мы с прапорщиком кладем его на асфальт. Вы вдвоем держите наготове оружие. Если заметите что-то подозрительное в его поведении – стреляете по ногам. Все понятно?

Передернув затвор укороченного автомата, сержант кивнул.

– Понятно, – проговорил прапорщик и вытянул из кобуры пистолет.

Машина плавно подъехала к бордюроному камню и остановилась.

Набрав полную грудь воздуха, лейтенант взялся за ручку дверцы и выдохнул:

– Пошли!

Все произошло быстро и настолько профессионально, что сами полицейские были весьма удивлены.

Лейтенант с прапорщиком налетели сзади на ничего не подозревавшего мужика, сбили его с ног и уложили «мордой в асфальт». Запутавшись в собственном плаще, тот попытался оказать сопротивление, но... получил увесистый удар кулаком в основание черепа. И затих.

– Можем, когда захотим, – тяжело дыша, сказал лейтенант, придавливая своим весом задержанного.

Прапорщик ловко украсил запястья мужчины наручниками.

– Это точно.

Два сержанта стояли чуть поодаль с оружием наготове.

– Все. Тащите его в машину, – приказал поднявшийся офицер. – Теперь он наш...

Спустя минуту белый автомобиль с московским гербом на передних дверцах резко сорвался с места и помчался по направлению к родному ОВД.

– Дежурный, как меня слышишь? – прокричал в микрофон бортового передатчика лейтенант. – Доложи подполковнику Абрашкину, что подозреваемый задержан! Что?.. Где задержан? На углу Яна Райниса и Сходненской! Что?.. Понял, уже едем. Да... Минут через пять будем на месте...

– Попался, урод! Думал, все сойдет с рук?.. – Глаза подполковника злорадно поблескивали, когда подчиненные втолкнули в его кабинет задержанного. – Ну, присаживайся. Побеседуем...

Прапорщик подтолкнул к столу длинноволосого мужчину и положил перед Абрашкиным изъятые при задержании вещи: паспорт, пустой бумажник, часы, позолоченную зажигалку, почти пустую пачку сигарет «Hilton Platinum», несвежий носовой платок и несколько монет на общую сумму в двенадцать рублей пятьдесят копеек.

Усаживаясь напротив полицейского чина, длинноволосый мужчина вяло поинтересовался:

– И за что, позвольте узнать, меня задержали?

Подполковник с интересом изучал паспорт.

– А ты, стало быть, не знаешь, Глеб Абрамович?

– Понятия не имею.

– Не имеешь?! – взревел тот. – Несколько часов назад вот здесь, – указал он на обшарпанный диван, – лежали два моих подчиненных! Лежали и ни на что не реагировали!

– Что-то я вас не понимаю, – стоял на своем Захарьин. – Ваши подчиненные валялись на диване, не реагировали на ваши замечания, а виноват я?

Далее последовала затяжная реплика, исполненная подполковником в лучших ментовских традициях и с применением самого отборного матерного жаргона.

Спокойно выслушав его, Захарьин вздохнул:

– Хорошо. Что вы от меня хотите?

– Признания! Чистосердечного признания во всех ваших фокусах с гипнозом! Где и у кого приобрели эти навыки, когда и с какой целью использовали...

– Я не могу так сразу припомнить, – замылся пойманный гипнотизер. – Мне бы посидеть, подумать...

Обрадовавшись неожиданной покладистости задержанного, Абрашкин двинул по столу чистый лист бумаги.

– Пиши. Излагай все и самым подробным образом.

– А руки? – показал тот сцепленные наручниками запястья.

– Прапорщик, сними с него браслеты.

Подчиненный опасливо покосился на длинноволосого мужика, но перечить только что оравшему на весь этаж подполковнику не решился. Отперев замок, он снял наручники и вернулся на прежнее место.

Захарьин подвинул поближе листок, взял авторучку, склонил над столом голову...

Абрашкин довольно поглядывал то на пишущего Глеба Абрамовича, то на стоявшего поодаль прапорщика. Кажется, внезапно нарисовавшееся преступление против сотрудников правоохранительных органов обещало быть оперативно и мастерски раскрытым.

«Что ж, лишняя галочка в графе «раскрываемость» не помешает, – размышлял он, мысленно проговаривая доклад вышестоящему начальству о взятом с поличным опасном преступнике. – Прапорщику, так и быть, выдам небольшую премию. А генералу намекну об освободившейся должности начальника ОВД Митино. Чем черт не шутит – вдруг замолвит за меня словечко?..»

Замечтавшись, подполковник не заметил, как Захарьин перестал писать, отложил ручку и поднял на него тяжелый пронзительный взгляд. Ощутив на себе этот взгляд, он вдруг понял, что сознание стремительно мутнеет.

– А ты чего стоишь? – резко обернулся задержанный. – Ну-ка иди сюда. Бери стул и садись рядом с ним.

Прапорщик беспрекословно подчинился и устроился слева от кресла начальника.

– Внимательно смотрите на мои ладони, – заполнял пространство кабинета ровный, повелевающий голос.

Абрашкин с прапорщиком послушно уставились на шевелящиеся пальцы осоловевшими глазами...

– Вам хорошо. Вы ничего не помните и потеряли ко мне интерес. Вы подписываете мне пропуск. Вам наплевать на обязанности и работу. Вы хотите спать и только спать...

Спустя некоторое время Захарьин вышел из кабинета заместителя начальника ОВД. Пройдя по пустовавшему коридору, он спустился по лестнице на первый этаж и подал дежурному пропуск.

– Так быстро? – покрутил тот в руках клочок бумаги.

– А чего мне тут делать, коль ваше начальство ошиблось?

Посмотрев на подпись, дежурный пожал плечами и, нажав клавишу на пульте, зажег на турникете зеленую стрелку.

Глеб Абрамович беспрепятственно покинул здание отдела, спустился по короткому крыльцу и зашагал в сторону ближайшей станции метро...

Глава четвертая

Российская Федерация. Москва; район Южное Тушино. Настоящее время.

– Спрашиваю в последний раз: вы собираетесь расплачиваться? – грозно повел бровями старший из двух охранников – широкоплечий, накачанный парень лет двадцати восьми.

Я уже мысленно выбирал место на его угрюмой роже, куда врежется мой кулак, когда Глеб произнес тихим, но в то же время звучным, строгим голосом:

– Смотрите на мои руки.

Затем приподнял ладони и сделал несколько пассов. Это были движения, похожие на колдовство кондитера. Или на труд массажиста, поглаживающего не человеческое тело, а воздух. Так или иначе, но парочка охранников и стоявший позади них бармен заткнулись. Ссутулив плечи, они следили потухшими взорами за движениями рук моего странного приятеля...

Действо длилось секунд десять или пятнадцать, хотя мне показалось, что время остановилось и Глеб совершает магические пассы несколько часов.

– Все. Двигаем отсюда, – шепнул он, покончив с ритуалом.

Охранники с барменом так и остались стоять в прежних позах.

А мы растворились в толпе, взяв курс на выход из ночного клуба...

Желающие запечатлеть на камеру мою жизнь в течение последнего года умрут от скуки. Вот Евгений Арнольдович получает пенсию и бежит в дешевый магазинчик за продуктами. Вот он подрабатывает на разгрузке фуры у соседнего гипермаркета, а на ужин жарит в убогой однокомнатной квартирке яичницу с салом. Вот с наступлением темноты топает в ближайший кабак под названием «Сытопьяно», а под утро возвращается со смазливой барышней. Наконец, Женя спит...

Впрочем, у меня есть одна договоренность с любителями покопаться в чужом грязном белье: я не делаю в своей жизни ничего сенсационного, а они перестают меня преследовать. Это спасает.

Если бы сегодня меня заставили заполнить подробную анкету, ее начало выглядело примерно бы так: Семья – прочерк. Дети – прочерк. Родственники – мама, проживающая в Саратове; остальные – прочерк. Судимости – прочерк. Даже друзья, и те – почти равнозначный прочерк.

«Почти», потому что в моей жизни все-таки оставался Жора Устюжанин и еще два-три дорогих для меня человека. Во время службы во «Фрегате» дружба с сослуживцами была таким же естественным явлением, как восход солнца или смена зимы весной. Ее наличие и крепость были обусловлены сложностью работы, постоянным риском, необходимостью без лишних слов понимать друг друга на глубине. После ликвидации «Фрегата» народ разбросало по разным уголкам страны. Теперь мы изредка перезваниваемся, но до встреч в реале доходит крайне редко.

Не курил я уже порядком, после того как слетел на «десятке» с моста. А на улице после ночного клуба вдруг нестерпимо захотелось затынуться и зачесалось чуть ниже спины.

– Дай сигарету, – буркнул я.

Новый знакомец зашуршал пачкой «Hilton Platinum», протянул мне сигарету и щелкнул позолоченной зажигалкой.

Табачок был что надо, но я все же закашлялся...

Небо светлело. На тротуарах первые дворники гоняли вениками сереющий воздух. Местами штормило, земля была неокрепшей, молодой, буйной.

– Я не дойду, – честно признался Глеб. – Возьми такси.

– А деньги?

– Не проблема.

Я постучал в стекло, разбудил водилу. Тот завел мотор, и мы двинулись по сонным улочкам...

– Как у тебя это получилось? – спросил я, ошалело оглядываясь назад, как будто за нами могли организовать погоню.

– Видишь ли, мозгом наделен каждый из нас, – ответил он, не открывая глаз. – Просто не все разобрались с его инструкцией.

Таксомотор гнал по Яна Райниса. Внезапно я вспомнил, что мы не назвали таксисту адреса – ни моего, ни Глеба.

– Он знает, куда ехать, – словно прочитав мои мысли, успокоил товарищ. И вдруг, посмотрев мне в глаза, спросил: – Хочешь узнать свое будущее?

– Чего? – обомлел я от вопроса.

– Хочешь узнать, что с тобой станет через несколько месяцев? – повторил он. – Могу понострадамить.

Возгоравшийся интерес заставил сказать:

– Давай.

В его гипнотических возможностях я успел убедиться на все сто. А вот по поводу предсказания будущего почему-то сомневался.

– Зря не веришь, – опять без труда разгадал он мои мысли. – Твое будущее предречь не так уж трудно.

– Ладно, слушаю...

– Не пугайся, но тебе осталось от силы полгода.

– Сколько? – поневоле перестал я дышать.

– Месяцев пять-шесть.

– Почему так мало?

– Не догадываешься? – хохотнул он, откинув назад голову. – Ты сам выбрал такой короткий путь.

Отсмеявшись, Глеб промокнул глаза платком не первой свежести и объяснил вполне серьезным тоном:

– Пока ты выглядишь здоровым мужчиной: красивое тело, накачанные мышцы, планы на пару лет вперед... Но следы нездорового образа жизни уже оставили свой отпечаток: шрамы, сломанный нос, мешки под покрасневшими глазами, одышка...

Я слушал вводную часть монолога и с сожалением признавал обидную точность каждой фразы. Слова Глеба больно били по самолюбию подобно облезлому березовому венуку, хлещущему по голому, распаренному баней телу.

– ...Пробираясь между стеллажами, висящей на плече сумкой ты снесешь стоящую посреди прохода пирамиду из бутылок, – монотонно вещал он, прикрыв глаза. – С расстройств ты отдашь злым работникам магазина последние пятьдесят штук и весь остаток месяца будешь пить воду из-под крана, потому что чайник тебе тоже придется продать...

«Блин, а ведь так уже было! – изумился я очередному пророчеству. – Только в магазине отдал не полтинник, а около семидесяти штук. И действительно, потом жрать было нечего и я пил одну воду из-под крана...»

– ...Ну а закончишь ты на казенной койке в Городской клинической больнице имени Сергея Петровича Боткина. Скорее всего, от цирроза печени.

Я насторожился. После моих ночных загулов печень по утрам действительно изнывала, как от ранения картечью.

И все же мне захотелось возразить:

– С какой стати? Я здоров как гладиатор!

– Тебе так кажется, – скривил он губы в усмешке. – У тебя на теле развиваются сосудистые звездочки, а на ладонях – эритема.

– Какая к черту эритема?!

– Покраснение ладоней и подушечек пальцев. Я заметил это, когда пожимал твою руку в ресторане. Если слегка надавить на покрасневшие области, то они кратковременно бледнеют.

Я смотрел на проклятого пророка и не знал, что и думать. То ли он изощренно врал, то ли на самом деле был великим человеком, способным заглянуть в будущее. Гораздо позже я понял, зачем он это говорил. Он просто готовил меня к предстоящему разговору – долгому, серьезному и кардинально изменившему мою жизнь. Ну а в тот момент мне пришлось ему поверить.

– Ты все еще сомневаешься? – приоткрыл Глеб один глаз.

– А ты бы на моем месте вот так взял и поверил бы?

– Давай поступим так: спроси меня о чем-нибудь своем – сугубо личном. А я попробую ответить.

– Хорошо. – Я призадумался на пару секунд. – Скажи, сколько раз я был женат?

– Официально – ни разу, – сразу ответил он, будто знал назубок каждый день из моей личной жизни. – А в гражданском браке состоял однажды. После чего окончательно понял, что женитьба не для тебя. Хотя... год назад ты предпринял еще одну попытку сблизиться с одной красоткой и даже навестил ее в другом городе. Так или я ошибаюсь?

От его слов у меня перехватило дыхание и похолодело в груди. Первая попытка ужиться под одной крышей с женщиной была короткой и незапоминающейся. Вторая попытка действительно состоялась около года назад...

В возрасте чуть менее сорока лет я остаюсь свободным от пут Гименея и наслаждаюсь независимым бытием, даже, можно сказать, сибаритствую. Одним словом, живу в свое удовольствие и нисколько об этом не жалею.

Всякий раз, когда на моем жизненном пути встречается мечтающая о богатом принце стервочка, я хочу ее спросить:

– Почему ты уверена, что достойна лучшего? На каком основании? Разве ты соответствуешь этому «лучшему»?

До сих пор не могу понять, каким удивительным образом судьба свела меня с... назовем ее Александрой. А для большей секретности поселим в Анапе.

В отношениях с женщинами иногда случаются конфузы. Но для того, чтобы с самого начала умудриться превратить отношения в лютую беспросветную каторгу, надо иметь определенный талант. Александра этим талантом владела в полной мере.

Вообще-то я знал ее довольно давно: некоторое время она работала администратором в одном из расположенных по соседству с моей квартиркой ресторанов. Красивая, эффектная, уверенная в себе – так можно было бы описать ее в трех словах. Я многократно видел ее в ресторане, но общаться мы начали только тогда, когда она родила дочку и рассталась со своим гражданским мужем.

Мы несколько раз встретились в Москве, поужинали на нейтральной территории, я понянчился с ее годовалой дочкой, после чего отношения плавно перетекли на плацдарм двуспальной кровати.

О последнем моменте стоит рассказать чуть подробнее. В ту ночь хрупкая Александра неприятно поразила тем, что пила как слесарь пятого разряда. Учитывая то, что алкоголем в тот год я не злоупотреблял, этот факт изрядно удивил меня: она пила в номере гостиницы, который я снял для комфортного общения, пила во время прогулки по вечерней столице, пила за ужином в ресторане, а по возвращении в номер полностью опустошила мини-бар. Тогда я списал это на волнение. А зря...

Потом она уехала к маме в Анапу. Мы изредка перезванивались, она настойчиво звала в гости, перемежая приглашения массой грязных намеков. И летом прошлого года я решил устроить себе небольшой отпуск.

Признаюсь честно: Александра не была в моем списке на первом месте. Не была она и на втором. И не появиться бы мне в Анапе, если бы занимавшие верхние строчки кандидатуры не лишились в силу различных причин возможности провести этот отпуск со мной. В итоге я отправился в Анапу, надеясь несколько дней побыть в обществе изголодавшейся по мужскому вниманию красивой девушки.

Наивный!

К слову, начиналось все неплохо. Александра встретила меня на перроне. Выглядела она шикарно: макияж, прическа, платье, каблучки... Мечта, а не девушка! Странности начались позже.

– Ну что ты так сразу?! – отпрянула она, когда я попытался ее обнять. – Надо же сначала погулять, – с томным видом повела она плечиками. И, выдержав зловещую паузу, добавила: – Ну и выпить...

Я вздрогнул, припомнив пустой мини-бар гостиничного номера и полное ведро опорожненных бутылок. Желание близости ощутило уменьшилось.

За завтраком в кафе Александра почти в одиночку выпила бутылку вина. Причем ее не смущало ни раннее утро, ни мое воздержание от спиртного. Она что-то бесконечно тараторила: о местном ресторане, в котором работала; о том, какая замечательная у нее мама, с пониманием относящаяся к моему приезду... Затем заговорила о том, насколько сложно найти нормального мужчину.

Я вздрогнул второй раз за утро. А она вдруг резко переменяла тему:

– Послушай, у тебя в номере отличная стиральная машинка! Давай я свое бельишко стираю, а? Ты же не против?

Обалдев от ее практичности, я кивнул.

Она же быстро добавила:

– Только надо будет в магазин заехать – порошочка купить. Ну и винца заодно...

В магазине Александра проявила завидную хозяйственность.

– А можно еще зубную пасту? И отбеливатель закончился... Ой, смотри какой дезодорантик зачетный! Я же возьму, да?..

По направлению к ее дому я пер два громадных пакета, набитых всякой всячиной. Счастливая Александра шествовала рядом, изредка просила остановиться, доставала из сумочки бутылку вина и прикладывалась к горлышку...

К тому моменту я перестал удивляться. Мне просто хотелось огреть ее по голове увесистым пакетом и поскорее вернуться в Москву.

Когда мы добрались до нужного дома, Александре взбрело в голову познакомить меня с мамой. Я собрал волю в кулак и сказал:

– Нет.

– Ты точно не хочешь подняться? Мама блинчиков напечет!

Мне отчаянно хотелось сказать: «Слушай, дура! Ты ни с кем меня не перепутала?! Я не папа твоего ребенка! Я не вернулся из дальнего рейса, и мне совершенно по барабану твои порошки с отбеливателями! Я видел тебя пять раз в жизни и приехал сюда отдохнуть. Так какого черта ты меня грузишь своей мамой и грязным постельным бельем?!»

Однако врожденная интеллигентность не позволила произнести это вслух. И, помотав головой, я принялся ждать...

Ополовиненную бутылку вина Александра уволокла с собой и минут через двадцать вышла из подъезда с тремя здоровыми мешками.

«Долго собирала! – с тоской подумалось мне. – Быстро не отмажусь...»

Сведенными судорогой пальцами я набрал на мобильнике номер местного такси.

– Зачем?! Тут на маршрутке всего десять остановок! – мило щебетала прелестница. А я шаг за шагом переходил от состояния слепой тоски к мраку давящего ужаса.

Загрузив стиральную машинку, Александра потащила меня обедать в кафе. За столиком она продолжала поглощать алкоголь и беспрестанно рассказывала о маме, о проблемах и том, какие мужики сволочи и как они не умеют любить. Правда, в ее голосе сквозили нотки неуверенности, потому что к тому моменту я молчал уже около двух часов.

– Скажи, – наконец спросил я под завершение обеда, – ты нормальная?

В этом кратком, но емком вопросе содержался весь беспросветный кошмар, который окружал меня с раннего утра.

И тут она снова меня удивила, начав надрывно рыдать:

– Стараешься для вас, любишь, ночами не спишь! Никакой отдачи-и-и... Нет мужчин вокруг! Это просто пипец какой-то!..

Заехать ей в глаз мне не позволили личные принципы. Есть несколько принципов, которыми я следую всегда. Я не изменю им даже перед строем расстрельной команды. Один из них – никогда не поднимать руки на женщину.

В общем, в ту секунду моя любовь окончательно улетучилась, превратившись в пар и сероводород...

После моего возвращения в Москву мы долго не общались. Я с облегчением вздохнул, но увы – это было еще не все. Спустя пару месяцев она позвонила.

– Прости! – всхлипывал мобильник ее жалобным голосом. – Ты появился в моей жизни в сложный период... Мне срочно нужно с тобой поговорить!..

Разумеется, я не стал развивать тему и, отделавшись парочкой дежурных фраз, отключил телефон. Она и сейчас иногда звонит...

С тех пор, когда я слышу надрывные жалобы на тему «нет мужчин вокруг», меня натуральным образом передергивает. Женщина, заявляющая подобное, никогда не дожидается моего понимания и сочувствия, поскольку я твердо уверен: если она не видит вокруг себя нормальных людей, стало быть, и сама не принадлежит к таковым. Исключений нет: ты заслуживаешь то окружение, которое имеешь.

Александра оказалась эталонным уродцем. Имея рядом с собой живого, полного сил и желаний мужчину, она предпочла отстаивать собственную ущербную точку зрения: мужчин вокруг нет.

Что ж, хорошо – для тебя их действительно нет. И никогда не будет...

Пока я вспоминал последнюю попытку организовать семейную жизнь, новый приятель трижды сменил тему монологов. Две из них проплыли мимо моих ушей. Очнулся я аккурат на третьей.

– ...Сильные и инициативные люди пытаются вырваться из родных мест и попасть в Москву. Причем любой ценой, – рассуждал он, уложив затылок на мягкий подголовник и прикрыв глаза. – Они готовы тесниться в съемных квартирах, работать без выходных в трех местах. Потому как считают, что живут именно в столице, а в провинции лишь выживают.

– Отчасти они правы, – робко встал я на сторону провинциалов.

– А тебе не кажется, что разрыв между Москвой и остальной Россией в конце концов приведет к необратимым социальным последствиям? – оживился Глеб, услышав мой голос. – В нашей истории уже был опыт разделения общества на две неравные части. Одна говорила на французском, музицировала в салонах, тусовалась на балах, читала и обсуждала модные романы. Другая оставалась безграмотной, прозябала в нищете и болезнях. Кончилось это в далеком семнадцатом году. Вторая часть просто уничтожила первую. Поэтому, чтобы спасти Россию, надо снова спалить Москву. Дотла!

Его логика начинала меня пугать.

– Предлагаешь устроить поджог?

– Нет, – засмеялся Глеб. – Но у меня есть к тебе одно конкретное предложение. Кстати, очень интересное.

Я с грустью в голосе поинтересовался:

– Продолжить наше знакомство следующей ночью?

– Нет, гораздо лучше. Гораздо! Уверен: ты будешь в восторге. О, кажется, я приехал!

Машина и впрямь остановилась неподалеку от пересечения Яна Райниса и Сходненской.

Глеб с удивительной легкостью выскочил из салона.

– А что за работа?! – крикнул я вслед.

– Позже расскажу! – захлопнул он дверцу. И добавил: – Ладно, как говаривала Анна Каренина, «до скорого!..»

Глава пятая

Российская Федерация. Москва; район Южное Тушино. Настоящее время.

Я тяжело продвигаюсь по длинному ответвлению подводной пещеры. Минуло около получаса исследований, а главный вопрос так и остается без ответа – мне до сих пор непонятно, появился ли тоннель естественным образом или же его создали люди.

Петля из стороны в сторону, ответвление с каждым метром становится уже, оставляя мне все меньше и меньше пространства. Несмотря на низкую температуру воды, я одет в раздельный неопреновый костюм, ибо в «сухом» многослойном гидрокомбинезоне мне не удалось бы протиснуться сквозь некоторые узкости тоннеля. По той же причине пришлось отказаться от ребризера и двухбаллонного акваланга. Впрочем, и единственный двадцатилитровый баллон я отстегнул и толкаю перед собой, иначе рисковал бы застрять и остаться в извилистой кишке навеки.

Двигаться неудобно. В одной руке зажата катушка со светлой нейлоновой нитью; постепенно разматываясь, нить укажет направление в том случае, если придется возвращаться. Другой рукой удерживаю мощный фонарь, освещающий шероховатые стены и конусообразные отложения. Баллон я проталкиваю по тоннелю то руками, то головой. Это затруднительно, так как стальная емкость закрывает обзор...

Я провел под водой полжизни и считаю самым опытным боевым пловцом отряда специального назначения «Фрегат-22», но настоящим спелеологическим дайвингом занимался лишь однажды. Случилось это несколько лет назад, когда посчастливилось провести отпуск на западе Австралии. Есть там занятая пещера с жутковатым названием «Веебубби», которая считается крупнейшим в мире подводным тоннелем. Там моим учителем стал британский инструктор Мартин, преподавший пару бесценных уроков.

Но то было давно и в Австралии. Тамошняя пещера по сравнению с этой – дворец с чередой просторных залов...

Давление в баллоне падает, а конца тоннелю не видно. Стометровая нить давно закончилась, катушку пришлось оставить у одного из поворотов. В общей сложности я преодолел около двухсот метров.

Впереди небольшое расширение тоннеля, а за ним виднеется крутой поворот. Осторожно прохожу его, и желтый сноп фонарного света упирается в вертикальную стену. В нижней ее части чернеет небольшое отверстие диаметром меньше полуметра. Подплываю ближе...

Осмотрев неровные края единственного прохода, заглядываю внутрь и замечаю впереди таинственный зеленоватый свет. Неужели выход?!

Выключаю фонарь, чтобы убедиться в наличии постороннего света. За пару секунд глаза привыкают к темноте, и я действительно вижу зеленоватые всполохи, пляшущие по стенам подводной пещеры. До них чуть более десятка метров.

Воодушевленный близостью победы, я заталкиваю в отверстие баллон, вытягиваю руки и пытаюсь преодолеть последнее препятствие на пути к свободе. Опасное сужение длинного лаза замечаю слишком поздно, когда основания вытянутых рук прочно застревают между шершавой поверхностью проклятого песчаника. Все. Приехал. Положение становится безвыходным. Я дергаюсь, изворачиваюсь, работаю ногами и шевелю руками, но... остаюсь неподвижен относительно пленившей меня западни.

«Спокойнее. Только не поддаваться панике. Она предвестник дайверской смерти, – успокаиваю сам себя. – Для начала отдышаться, проанализировать ситуацию и продумать план спасения. А потом уж действовать».

Привожу дыхание в норму, ощупываю стены; вытянувшись стрункой, пробую сдвинуться с места. Попытка заканчивается тем, что облегающий тело неопрен протирается и рвется.

Образовавшиеся складки окончательно хоронят надежды выбраться из тоннеля. Я дергаюсь то вперед, то назад; потом стараюсь хотя бы на градус повернуться вокруг продольной оси. Ничего не выходит.

Перед глазами мельтешит манометр, «привязанный» коротким поводком к баллону. Черная стрелка на шкале со светонакопителем угрожающе подрагивает в середине красного сектора. Газа в баллоне почти не остается...

Резко крутанувшись из последних сил, я скатываюсь с кровати и больно тюкаюсь затылком об пол.

Широко открыв глаза, несколько секунд гляжу в глянцевую бесконечность потолка и не понимаю, где нахожусь, а главное – удалось ли мне выбраться из подводной пещеры.

– Фу-ух... – Сажусь и вытираю со лба холодный пот.

Я дома – в своей скромной однокомнатной квартирке на окраине Москвы. За окном солнце, светящиеся зеленые цифры на часах показывают половину второго.

Голова после выпитого ночью алкоголя налита чугуном, во рту пересохло. До контуженного слуха долетают посторонние звуки. Прислушиваюсь... В дверь кто-то барабанит, изредка перемежая стук настойчивыми звонками.

«Какого черта в такую рань?! Впрочем, это для меня рань, а нормальный народ небось успел пообедать...»

Подождут. Поднявшись, ковыляю на кухню и припадаю к бутылке холодной минеральной воды... Проклятый сон, наполненный живыми воспоминаниями о моих приключениях в подводном тоннеле, беспокоит довольно часто. В основном это случается под утро – накануне важных событий, являясь апофеозом треволнений. И, как правило, вырывает меня из цепких объятий сна, каким бы крепким он ни был.

Приехав домой после ночной попойки, я принял душ и завалился спать, ибо страшно устал и плохо соображал. Если бы в тот утренний час кто-нибудь спросил меня о дне недели или месяце, то в ответ бы услышал жалкое мычание. Боюсь, я не сумел бы назвать и цифры текущего года.

Ладно, пора открыть дверь нетерпеливым гостям. Иначе снесут ее вместе с косяком. Шлепаю босыми ногами в сторону коридора, поворачиваю ключ, распахиваю дверь. И ошалело выдыхаю:

– Ты?!

На пороге стоит Глеб.

– Но как ты узнал мой адрес? – растерянно тру я правый висок.

Выдернув из кармана плаща непочатую бутылку вискаря, он расплывается в улыбке:

– Обижаешь, Женя! Я все о тебе знаю!..

– Проходи, – веду раннего гостя на кухню.

Его визит оказался для меня неприятной неожиданностью, однако, приметив вискарь, я подобрел: сейчас было самое время поправить подорванное здоровье.

В холодильнике шаром покати. Отыскав на полках банку консервов и половину черствого батона, сооружаю нехитрую закуску.

– Негусто, – усмехнулся Глеб. – А я с похмелья всегда горазд покушать.

Усевшись напротив нахального приятеля и понаблюдав за тем, как он ловко откупоривает бутылку, вздыхаю:

– Извиняй, гостей не ждал. Ты предупредил бы...

Башка трещала, жутко хотелось спать, в мышцах ощущалась неприятная слабость...

«Лишь бы наше лечение не переросло в очередную пьянку, – промелькнула у меня здравая мысль. – Иногда все ж таки надо думать о здоровье в целом и о печени в частности».

– Не переживай – вискарь я принес ради приличия, – с легкостью прочитал Глеб мои мысли. – Главная цель моего визита – серьезный разговор.

– Вот оно как... И о чем же мы будем говорить? Где раздобыть бабло и где оторваться ближайшей ночью?

– Нет, я тоже, знаешь ли, не любитель запоев, – заявил мой гость, деловито выкладывая из карманов позолоченную зажигалку и пачку «Hilton Platinum». – Разговор будет о другом.

Я поставил перед ним пепельницу.

– О чем же?

– Хочу предложить тебе работу.

– Какую еще работу? – поднял я недовольный взгляд, совершенно позабыв о вчерашних намеках.

К тому же затяжные поиски нормального дела, связанного со специальностью боевого пловца, целиком и полностью уверили меня в безысходности одного занятия. Что мог предложить новый знакомец с крючковатым носом и пронзительным взглядом хитроватых глаз? Скорее всего, очередную авантюру. Или развод.

– Нет, я не собираюсь тебя разводить. Да и на что, позволь спросить? – насмешливо огляделся Глеб по сторонам. – Разве на эту убогую квартирку...

– Убогая не убогая, а миллиона три стоит.

Отсмеявшись, он уверил:

– Даю слово: она интересуется меня не больше, чем революция в Египте.

Я плеснул в бокалы вискарь, залпом выпил свою порцию и, занюхивая куском хлеба, поинтересовался:

– Что за работа?

– Мне нужна пара опытных дайверов. Ты ведь бывший боевой пловец, верно?

– Откуда информация?

Он неопределенно пожал плечами:

– Кое-что узнал из документов. Кое-что стало ясно после нескольких часов общения с тобой. Ну и немного простой дедукции.

– Опасный ты человек. И что еще тебе известно обо мне?

– Только то, что нужно для предстоящего дела. Всем остальным, включая личную жизнь, я свой мозг не засоряю.

– И на том спасибо, – проворчал я, наливая вторую порцию алкоголя.

После пары глотков вискаря боль в голове поутихла, сознание слегка прояснилось, а в теле возникла приятная легкость.

– Ладно, давай, ближе к делу. – Я ловко вскрыл ножом консервную банку и отломил корку черствого батона. – В чем заключается работа?

– Лет пятнадцать назад я удачно организовал бизнес в Подмосковье, – начал Глеб с неведомых далей. – Дело шло в гору, и вскоре у меня появилась большая квартира в центре Москвы, два очень дорогих автомобиля и даже новенькая моторная яхта с прекрасным названием «Антарес», приписанная к порту Манилы...

Вступительная часть рассказа усыпляла скучностью. Это была обыкновенная история из лихих девяностых. Тогда жизнь в стране бурлила: кто-то поднимался как на дрожжах, кто-то прогорал и начинал все сначала, кто-то бесследно исчезал.

Я подливал в бокалы вискарика, пил и слушал. Ведь когда-то мой ночной знакомец должен был перейти к главному...

– ...Я редко отдыхал – бизнес не позволял расслабляться, – продолжал он, покончив с вводной частью. – Но однажды молодая супруга уговорила сделать трехнедельный перерыв в работе и рвануть на Филиппины. Прибыв в порт, мы затарились продуктами, качественной выпивкой, топливом, пресной водой и вышли в море...

«Так, кажется, дождался. Сейчас услышу главное...»

Дальнейшее повествование коснулось трехдневного плавания неподалеку от острова Катандуанес. Я неплохо знал западную акваторию Тихого океана, где были разбросаны острова Филиппинского архипелага: пару раз боевые пловцы «Фрегата» выполняли в тех краях секретные операции, однажды довелось отдыхать в Маниле, и тоже не обошлось без приключений. Бывал я и на острове Катандуанес, а именно в его «столице» – крохотном городке Вирак, расположенном на южном побережье. Одним словом, эту часть рассказа я уже слушал не вполуха.

– ...Моя тридцатиметровая спортивная яхта океанского класса шла малым ходом под управлением автопилота, – затягиваясь ароматным дымком, с грустью вещал Глеб. – Погодка была облачной, изредка накрапывал дождь, а видимость не превышала двух-трех миль. Однако море оставалось спокойным. Я расслаблялся на диване кокпита, супруга – Жанна – пекла цукер-лейках.

– Прости, что пекла?

– Цукер-лейках – бисквитный торт с орехами. Национальное еврейское блюдо. Кстати, очень вкусное...

Он был серьезен, глаза наполнились печалью, а голос иногда подрагивал. Прошедшей ночью он только ржал, подшучивал надо мной, веселился и употреблял лошадиные дозы алкоголя. А тут вдруг предстал совершенно другим человеком. Это, несомненно, усиливало эффект и заставляло внимать каждому слову.

– ...Как выяснилось позже, на всех основных радиочастотах неоднократно звучало предупреждение властей о том, что с тринадцати часов по филиппинскому времени в районе восточнее ста двадцати четырех градусов девятнадцати минут и севернее четырнадцати градусов десяти минут начались совместные учения Военно-морских и Военно-воздушных сил Филиппинской Республики. Черт меня дернул идти на «Антаресе» в этом направлении! Я и понятия не имел, что там какой-то военный полигон, – вздохнул Глеб.

– Значит, вы не слышали предупреждений?

– В том-то и дело, что не слышали – ни я, ни супруга. В салоне играла музыка, а Жанна, бегая к духовому шкафу, не обращала внимания на радио. Да если бы и обратила, то толку от этого было мало: она не владела иностранными языками, а обращение передавалось по-английски.

– И что же произошло? – осторожно спросил я, подозревая не самое лучшее продолжение истории.

– Что произошло?.. – переспросил он, изучая остекленевшим взглядом наполненный бокал. – Произошла самая страшная трагедия в моей жизни...

Часть вторая. Новая работа

Вступление

Республика Филиппины; в девяти морских милях к северо-востоку от острова Катандуанес. Около десяти лет назад.

Все шло замечательно. За несколько дней расслабленный отдых супругов из России был нарушен лишь однажды – сутки назад в район военно-морского полигона филиппинских ВМС наведалься сторожевой катер. Старший на борту – низкорослый офицер с широким и плоским носом – поначалу повел себя довольно нагло.

– Какого черта вы делаете в запретной зоне?! – крикнул он по-английски в мегафон, когда между катером и белоснежной яхтой «Антарес» оставалось около одного кабельтова.

Молодая женщина заволновалась, однако ее супруг – молодой мужчина с крючковатым носом – лениво потянулся к портфелю и, достав какую-то бумагу, успокоил:

– Не волнуйся, дорогая, у меня имеется одна бумаженция, подписанная самим министром обороны. Сейчас я ее покажу, и он заткнется...

Так позже и случилось. Военный катер подошел вплотную к новенькой моторной яхте; пара матросов занялась швартовкой, трое других направили на безоружную парочку стволы крупнокалиберного пулемета и автоматических винтовок.

– Повторяю свой вопрос в последний раз! – вальяжным тоном проговорил офицер и вошел на борт. – Какого черта вы делаете...

Договорить он не успел – вышедший навстречу хозяин яхты сунул ему под нос квадратный лист бумаги, украшенный изображением государственного флага Филиппинской Республики и несколькими яркими печатями.

Ознакомившись с текстом, офицер сник. А возвращая документ, жалобно произнес:

– Прошу прощения, господин Захарьин. Я не знал, что у вас имеется разрешение, подписанное самим министром обороны. Но ведь оно подписано около года назад...

– Разрешение не имеет срока действия, – строгим голосом напомнил российский турист.

– Да-да, простите.

– Ничего страшного, – сменил Захарьин гнев на милость.

– Больше мы вас не побеспокоим. Прошу прощения, – повторял офицер, медленно отступая к борту. Внезапно спохватившись, он затараторил: – Да, господин Захарьин! Час назад я получил сообщение из метеоцентра.

– Ну и? – нехотя повернул тот голову в его сторону.

– К ближайшей ночи испортится погода.

– Шторм?

– Нет, сильного ветра не обещают. Плотный туман и осадки. Но все равно будьте осторожнее.

– Благодарю. Мы скоро снимаемся...

К вечеру погода и впрямь начала портиться. Всю ночь шел дождь, оставив под утро затянутое облаками небо, дымку с видимостью не более трех миль и слабый теплый ветерок, гнавший метровую волну в северном направлении.

«Антарес» – тридцатиметровая моторная яхта океанского класса – шла малым ходом под управлением автопилота.

– Внимание всем судам, находящимся северо-восточнее острова Катандуанес! С тринадцати часов по филиппинскому времени в акватории военно-морского полигона, ограниченного следующими координатами... – монотонно вещал по-английски мужской голос.

Динамики радиостанции были расположены под потолком над капитанским креслом; тут же под правой рукой висел на витом шнуре и микрофон.

Передаваемого по радио предупреждения никто на яхте не слышал – в салоне надрывался музыкальный центр, оглашая округу национальной еврейской музыкой. В духовом шкафу источал аромат бисквитный торт с орехами, а супруги – хозяйева роскошного судна – восседали на удобных диванах кокпита. Где-то вдаль – милях в девяти к юго-западу – проплывали невысокие хребты острова Катандуанес. Однако плохая видимость не позволяла любоваться видами одного из красивейших филиппинских островов.

– Я так люблю, когда ты готовишь цукер-лейках, милая, – улыбаясь своим мыслям, сказал Захарьин.

– А мне нравится смотреть, когда ты его уплетаешь, – прошептала в ответ молодая супруга.

– Кстати, давно хотел спросить: из чего его готовят?

– Рецепт довольно прост. Растираешь яичные желтки с сахарной пудрой, потом добавляешь тертые сухари и взбитые белки. Перемешиваешь, выкладываешь в смазанную маслом форму и запекаешь в духовке...

Повернув голову в сторону салона, Захарьин прислушался к запаху.

– Дорогая, он не сгорит?

– Нет, что ты! – рассмеялась Жанна. – Я включила таймер...

– И все же стоит посмотреть. – Захарьин сделал движение, намереваясь встать.

– Сиди-сиди, Глеб! Я сама...

Она вскочила и нырнула сквозь раздвинутые стеклянные двери. Хозяин яхты вновь чему-то улынулся, выковырял из пачки «Hilton Platinum» сигарету и щелкнул позолоченной зажигалкой...

– ...Повторяю! Внимание всем судам, находящимся северо-восточнее острова Катандуанес! В акватории военно-морского полигона, ограниченного следующими координатами... – продолжал надрываться строгий мужской голос в динамиках радиостанции, перечисляя длинные наборы цифр.

Однако молодая женщина, увлеченная приготовлением роскошного еврейского десерта, не вникала в суть передаваемого предупреждения.

– Еще пять минут – и готово, – прошептали ее губы.

Спустя полчаса «Антарес» шел заданным курсом и прежним малым ходом под управлением автопилота. Горизонт на пару миль вокруг был чист – ни одного судна или паруса. Лишь бесконечные ровные линии волн, степенно перемещавшихся с юга на север.

Чета супругов расположилась под козырьком кокпита. На столике стояло блюдо с ароматным десертом, бутылка дорогого красного вина, вазочка с фруктами и плитками шоколада...

– Какой ты молодец, что настоял на покупке этой яхты, – мечтательно проговорила Жанна, взирая на восток.

– Она тебе нравится? – потягивая из бокала вино, самодовольно улынулся Захарьин.

– Еще как! Красивая, просторная, комфортабельная.

– И скоростная, – добавил муж, а через секунду, словно вспомнив о чем-то важном, бегло осмотрел горизонт за спиной супруги.

Его внимание привлек силуэт небольшого катера, только что проступивший из туманной дымки. Катер стоял на месте, покачиваясь на невысоких волнах; на верхушке мачты колыхался белый флаг, обозначающий морскую цель для учебных ракетных стрельб. Глеб никогда не служил в армии, никогда не принимал участия в военно-морских учениях кораблей и флотских подразделений, но все, что касалось учебных ракетных стрельб, успел досконально изучить накануне поездки на Филиппины.

– Ты почему такой мрачный? – озабоченно спросила жена.

Он нервно повел плечами – дескать, не обращай внимания, минутная слабость.

Она с пониманием кивнула и положила на его руку ладонь:

– Я знаю: ты переживаешь по поводу своих психологических опытов. Не печалься, Глебушка. Ты – талантливый человек, и у тебя обязательно все получится.

– Надеюсь. Подожди минутку, дорогая, нужно подправить курс...

Нырнув в салон, он уселся в кресло капитана и повернул штурвал влево – так, чтобы яхта шла точно на старенький катер.

– Никого, кроме нас и цели, – прошептал Глеб, поглядывая на чистый экран радара. – Итак, мы почти на месте. Осталась самая малость...

В это время в небе послышался гул реактивных двигателей. Вскочив с удобного кресла, Глеб бросился на кокпит и, застыв посередине площадки, стал вглядываться в облачную дымку...

– Это самолет? – наивно поинтересовалась Жанна.

– Да. Кажется, военный. Истребитель.

– И не один, – согласилась супруга. – Два или даже три. Слышишь?

– Да-да. Учения у них, что ли...

Прошло около сорока минут. Глеб давно заглушил двигатель; «Антарес» покачивался на волнах примерно в полумиле от насквозь проржавевшего катера – цели для учебных ракетных стрельб.

Погода не улучшалась: все тот же прохладный ветерок гнал метровые волны в северном направлении; видимость временами ухудшалась до трех-пяти кабельтовых.

– ...Внимание всем судам, находящимся северо-восточнее острова Катандуанес! С тринадцати часов по филиппинскому времени в районе западнее ста двадцати четырех градусов двадцати минут восточной долготы и севернее четырнадцати градусов десяти минут северной широты начались совместные учения Военно-морских и Военно-воздушных сил Филиппинской Республики, – повторял по-английски мужской голос. – Всем гражданским судам вход в район строго запрещен. Повторяю: всем гражданским судам вход в район строго запрещен...

Супруги не слышали передаваемого предупреждения. Покончив с вином и десертом, они намеревались спуститься в мастер-каюту и продолжить приятное общение на широкой двуспальной кровати.

Прервав сладострастный поцелуй, Жанна вспорхнула с диванчика и потянула Глеба в открытый дверной проем салона.

– Пошли.

Улыбнувшись, тот встал. И вдруг замер.

– Что случилось? – лукаво изогнула бровь молодая женщина.

– Подожди. Какой-то странный звук, – прислушиваясь, сказал он.

Она устремила свой взгляд в ту сторону, куда смотрел муж...

– Да, верно. Слышу нарастающий гул. Или свист – не пойму...

Звук, состоящий из смеси низкочастотного гула, свиста и шипения, становился громче с каждым мгновением.

– Что это? – испуганно прошептала Жанна.

Скоро на фоне густой дымки появилась точка. Она быстро приближалась к яхте, увеличиваясь в размерах. Через несколько секунд точка превратилась в темное пятнышко, за которым тянулся шлейф черного дыма.

Проглотив вставший в горле ком, Захарьин предположил:

– По-моему, это ракета.

– Боже! Но Глеб... ведь она летит в нашу сторону! – попяtilась Жанна в открытые двери салона.

– Вижу, – мрачно промолвил он. – Скорее спускайся в каюту!

– А ты?

– Я достану спасательные жилеты...

Испуганная супруга исчезла в салоне. Глеб же метнулся к дивану, под мягким сиденьем которого хранился такелаж и несколько спасательных жилетов. Схватив один из них, он, не раздумывая, прыгнул за борт. И в тот же миг ракета ударила в левый борт «Антареса».

Сильный взрыв сотряс судно. Из вылетевших иллюминаторов и стекол салона вырвались огненные всполохи. За мгновение до взрыва над поверхностью воды – в пяти метрах от яхты – показался Захарьин. Плавал он неважно. Тем не менее ему удалось надеть жилет и надежно застегнуть лямки.

Скорее всего, противокорабельную ракету выпустил один из филиппинских штурмовиков. Ракета была небольшой, но мощности ее фугасной боевой части вполне хватило, чтобы хрупкий корпус гражданского маломерного судна развалился на несколько частей.

Когда Глеб разобрался с жилетом, вытряс из ушей воду и осмотрелся по сторонам, то увидел, что рядом покачивается лишь носовая часть новенькой яхты. Но и она буквально через минуту исчезла под водой...

– Жанна! Жанна! – заметался он среди обломков салона и элементов такелажа.

Голова от ударившей взрывной волны гудела, из ушей и носа хлестала кровь. Захарьин крутился на том месте, где совсем недавно беспечно покачивался «Антарес».

Он потерял счет времени и вряд ли сумел бы сказать, через сколько минут или часов подоспела помощь в виде небольшого катера под флагом ВМС Филиппинской Республики. То ли патрульного, то ли сторожевого – Глеб мало смыслил в разновидностях военных кораблей.

– Э-эй! Я где-есь! – заорал он, вскинув правую руку.

С ходовой рубки катера тотчас заметили человека и, застопорив ход, повернули к нему.

Матросы помогли Захарьину забраться по штурмтрапу на палубу, и вскоре он сидел в небольшой кают-компании.

После нескольких общих вопросов о личности пострадавшего и принадлежности погибшей яхты командир катера растерянно интересовался:

– Как же это произошло?

– Не могу точно сказать, – мрачно ответил Глеб, уставившись в одну точку. На его плечи кто-то из команды заботливо накинул одеяло, кок предложил кружку горячего чая. – Кажется, в мою яхту попала ракета, выпущенная с вашего самолета. Так, по крайней мере, мне показалось.

– Но как вы оказались в районе учений?! – изумленно захлопал глазами филиппинский офицер.

– Обычно. Я же ничего о них не знал...

– Информация об учениях и запрет на вход в район передаются по радио почти сутки. Район оцеплен патрульными катерами, – продолжал недоумевать моряк.

– Я не слышал предупреждения, а оцепление... – Захарьин посмотрел в иллюминатор. – В погоду с такой плохой видимостью немудрено его не заметить.

– Вы находились на яхте один?

– Нет. Со мной была супруга. Прошу вас, пусть команда осмотрит акваторию. Вдруг она еще... жива.

– Да, конечно, – живо согласился филиппинец. И добавил: – Я сейчас же распоряжусь и доложу о происшествии командованию флота...

По мере того как Захарьин приходил в себя после трагедии, отчаяние охватывало его все сильнее. Он метался по крохотному пространству кают-компании, то выглядывая в иллюминатор, то прислушиваясь к переговорам по радио в ходовой рубке, что размещалась по соседству, то в изнеможении падая на диван...

Тем временем команда катера спустила на воду надувную шлюпку и осмотрела акваторию, попутно собрав кое-что из плавающих вещей.

- Ну что там? – крикнул в мегафон один из офицеров. – Тело нашли?
- Нет! – ответил матрос. – Женщины нигде нет...

Услышав это, Глеб положил руки на стол и уронил на них голову.

Спустя минуту в кают-компанию вошел командир катера. Увидев вздрагивающие плечи спасенного мужчины, он вздохнул и тихо сказал:

- Примите мои соболезнования. Можем ли мы вам чем-то помочь?
- Здесь глубоко? – поднял тот голову.
- Не более восьмидесяти метров.

– На борту утонувшей яхты осталось все: документы, фотографии, небольшая сумма денег. В вашей команде случайно нет водолазов?

– Увы...

Закрыв глаза, Захарьин сокрушенно покачал головой. Казалось, еще секунда-другая – и он, схватившись за сердце, рухнет на пол.

Офицер поспешил хоть чем-то успокоить пострадавшего:

– Но я доложил командованию флота обстоятельства трагедии. Сюда направляется наш флагманский корабль. Не исключено, что его команда поможет.

Глеб с трудом помнил, как к борту катера пришвартовался внушительный по размерам корабль под флагом ВМС Республики Филиппины, как ему помогли подняться по трапу и как на палубе его встречала делегация из нескольких адмиралов.

Вначале его провели к корабельному врачу. После осмотра тот заявил, что видимых повреждений нет, за исключением последствий легкой контузии. После этого Глеба пригласили в кают-компанию на ужин, где и состоялась беседа с командующим.

– Позвольте от лица Вооруженных сил нашей республики принести извинения за произошедший инцидент, – сказал низкорослый адмирал. – Я уже доложил министру обороны о случившемся и готов выслушать ваши пожелания.

Глеб повторил просьбу относительно утонувших вместе с яхтой документов.

– Я приказал отметить место трагедии буем-маркером, – кивнул филиппинский адмирал. – Увы, до окончания учений работы водолазной команды в данном районе организовать невозможно. Но через сутки я обещаю выслать сюда катер для поисков обломков вашей яхты.

– Вы позволите мне присутствовать на катере?

– Разумеется. Кроме того, министр пообещал финансовую компенсацию и помощь в организации вашего возвращения на родину. Мне доложили, что вы приехали отдыхать из России?

– Да.

– Ну, что ж... Приятного аппетита, – пожелал командующий. – После ужина вам выделят одну из офицерских кают для отдыха. Ровно через сутки мы бросим якорь в порту острова Лусон.

Глава первая

Республика Филиппины; в девяти морских милях к северо-востоку от острова Катандуанес. Настоящее время.

В ходовой рубке большого современного катера, арендованного у службы спасения порта Батангас, находились два филиппинца: поджарый капитан в серой футболке и низкорослый, побритый наголо толстяк – бывший секретарь Совета национальной обороны Республики Филиппины.

– Сколько отсюда до побережья? – глядя в бинокль, мрачно спросил ушедший в отставку чиновник.

– Около девяти миль, господин Маркос.

– То есть мы примерно в том месте, где находился тот русский на яхте?

– Простите, господин Маркос, какой русский?

– Ну, тот... ставший последним свидетелем катастрофы.

– А, который слышал гул в небе и указал направление пролета самолета?

– Да.

– Вы правы: он вместе с молодой женой торчал на яхте приблизительно здесь. Извините, но с большей точностью место указать не могу.

Анджело Маркос отложил бинокль и устало опустился на диванчик рядом с капитанским креслом. Прикрыв веки, он припомнил тот далекий злополучный день, когда с аэродрома военной базы взлетел двухмоторный транспортник с пятьюдесятью миллионами американских долларов на борту...

День восстановился в памяти по часам и даже минутам. Вспомнились невероятная секретность вокруг операции и транспортировки «груза» до территории базы; загрузка стальных герметичных кейсов из тяжелого бронированного автомобиля и взлет самолета; нервное ожидание и внезапная новость о пожаре на борту...

– Господин Маркос, на экране эхолота что-то есть, – прервал его размышления капитан.

– Что там? – вяло поинтересовался тот, не торопясь покинуть удобный диванчик.

За прошедшие с момента катастрофы годы Анджело Маркос с дюжину раз снаряжал судно и приходил в район, где пропала связь с транспортным самолетом. Дно было изучено с помощью новейших эхолотов процентов на шестьдесят. Что только не покоилось под толщей океана на глубине от шестидесяти до ста восьмидесяти метров! Шлюпки, катера, останки судов средних и крупных размеров. И даже невесть откуда взявшийся грузовой автомобиль. А вот самолета Анджело так и не нашел.

– Слева по борту вытянутый предмет размером... – капитан пригляделся к изображению, – около десяти метров.

Бывший министр оживился:

– Десять метров? Примерно такого же размера был фюзеляж транспортного самолета.

Мужчины склонились над небольшим экраном...

– Нет, господин Маркос, это не самолет, – промолвил капитан после долгого изучения находки.

– Уверен?

– Да. Скорее всего, это обломки затонувшей яхты.

– Кажется, ты прав, – вздохнул бывший чиновник. – И все же выполни повторный проход с другой стороны.

– Слушаюсь...

Предположение капитана оказалось верным: на глубине около восьмидесяти метров действительно лежали обломки океанской моторной яхты. Это стало понятным, когда катер раз-

вернулся и прошел мимо находки обратным курсом. На этот раз чувствительный эхолот распознал даже некоторые крупные детали такелажа.

– Черт! – выругался Анджело и вернулся на удобный диванчик по левую сторону от штурвала.

– Должно быть, это обломки яхты, случайно затопленной при попадании ракеты во время учений, – предположил капитан.

– Возможно. Впрочем, какое нам дело до яхты этого русского?..

– А вам не кажется странным тот факт, что русский бизнесмен дважды засветился в районе исчезновения транспортного самолета?

Маркос недоуменно посмотрел на моряка.

– Почему меня должен удивлять этот факт? Мало ли кто плавает вокруг наших островов? Здесь полно англичан, немцев, американцев, новозеландцев, австралийцев...

– А по-моему, в этом есть что-то подозрительное, – настаивал капитан. – Вначале русский стал единственным свидетелем падения самолета с огромной суммой на борту. Через несколько месяцев он опять появился здесь...

Слушая его, бывший министр вновь предался воспоминаниям...

Поисково-спасательная операция, организованная сразу после исчезновения транспортного самолета, не дала никаких результатов. Не помогла даже информация, поступившая от двух свидетелей, слышавших гул двигателя в небе буквально за пару минут до катастрофы. Этими свидетелями стали супруги Захарьины из России, решившие провести отпуск на новенькой яхте вблизи филиппинского побережья.

– Да, мы слышали шум от пролетавшего самолета, – рассказывал рослый мужчина с крючковатым носом, мясистыми губами и выступающим волевым подбородком.

– Значит, вы его не видели? – спросил тщательно записывающий ответы в блокнот руководитель поисковой операции.

– Нет, облачность была слишком низкой – он пролетал где-то выше.

– На какой примерно высоте?

– Сложно сказать... Метров семьсот-восемьсот.

– То есть меньше тысячи метров?

– Да.

– В каком направлении летел самолет?

– Точно сказать не могу, – переглянулся с супругой мужчина. И указал рукой на восток:

– Приблизительно в том.

– Вы уверены?

– Знаете, у нас создалось впечатление, будто самолет сделал над нами вираж, – поспешно пояснила молодая женщина. – Сначала гул послышался со стороны открытого моря, словно самолет летел к берегу. Потом он плавно изменил направление и снова ушел на восток.

– Странно, – почесал затылок филиппинский офицер.

– Что вы находите в этом странного? – не понял мужчина. – И вообще, не могли бы вы объяснить, что происходит?

Катер береговой охраны вынырнул из туманной дымки и пришвартовался к яхте десять минут назад – примерно через три часа после исчезновения самолета. На борт гражданского судна взошли несколько офицеров и, представившись, попросили у туристов документы. Проверив их, извинились за беспокойство и начали задавать вопросы о каком-то самолете. Супружеская пара из России любезно согласилась помочь. В ответ на эту любезность филиппинскому офицеру пришлось немного приоткрыть карты.

– Понимаете, в чем дело... – поморщился он, – три часа назад у нас пропала связь с небольшим транспортным самолетом, и мы подозреваем, что он разбился. Кажется, вы – единственные люди, кто видел его за несколько минут до трагедии.

– Мы не видели его, а только слышали звук двигателя, – уточнил мужчина.

– Да-да, конечно. Значит, по вашему мнению, он не долетел до берега, а развернулся и ушел в восточном направлении?

– Совершенно верно.

– А звука взрыва вы не слышали?

– Нет, – пожали плечами супруги.

На том опрос свидетелей был окончен, а направление поиска, исходя из полученных сведений, сместилось к востоку от острова Катандуанес.

– А что, если русский специально направил поиск в ложном направлении? – не унимался капитан.

– Зачем ему это? – буркнул Маркос.

– Как зачем?! Представьте на миг, что он видел падение самолета, зафиксировал координаты и решил самостоятельно проверить груз на его борту.

Помолчав, бывший министр решительно мотнул головой:

– Полная ерунда! Во-первых, он понятия не имел, что находится на борту транспортного самолета. Во-вторых, во время повторного появления в этом районе в его яхту угодила противокорабельная ракета. От ее попадания погибла молодая супруга, а сам он чудом остался жив. Наконец, в-третьих, у меня имеются данные о том, что русский бизнесмен по фамилии Захарьин давно облюбовал нашу страну для отдыха, приписал к порту Манилы свою новую яхту и любил проводить отпуска именно в этом месте – в акватории северо-восточнее острова Катандуанес. Так что у нас нет оснований подозревать его в нечестности и злом умысле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.